

Пережитое

Слухов о моем самоубийстве было в моей жизни не меньше, чем опал было немало.

В одно прекрасное утро тех незабываемых дней шестьдесят третьего года, когда наши газеты соревновались в поливании меня грязью, нервно задрезжал дверной звонок. На пороге стоял тщедушный миллионер с вытаращенными испуганными глазами.

— Живой, слава Богу, живой, — облегченно выдохнул он и потащил меня к балкону. — Народ волнуется. По какому-то «голосу» передали, что Вы самоубились. Покажитесь народу.

«Волновавшегося народа» было не так уж много — человек тридцать. — Успокойте их... Сделайте ручкой... Ну что вам стоит, — шептал мне в спину миллионер.

Чувствуя себя полу-Керенским, полу-де Голлем, я «сделал ручкой». После нестройного «УРА» толпа начала расходиться, хотя, может, что-то был разочарован.

Вскоре раздался еще один звонок. На пороге стоял мой друг — совсем еще молодой, но уже знаменитый актер Женя Урбанский.

В руках у Жени была трехлитровая банка томатного сока.

— Жив, сукин сын, — сказал он, до хруста обняв меня своими могучими руками. — Я так и знал, что это враки. Ты же не способен на такую подлянку по отношению к твоим друзьям, как самоубийство.

Мы сели на кухне и стали пить, естественно, используя томатный сок лишь для заправки. Однако, звонки в дверь не прекратились.

Вошли те гости, кого я меньше всего ожидал: бывший буденнов-

Евгений ЕВТУШЕНКО

Вер. Москва - 1998. - 11 июня. - с. 6.

Слух о моем

ва, сбегающих вниз, по берегу реки, чтобы принять крещение в воде.

Когда я не удержался и сказал Аушре об этом, она что-то шепнула своей подружке, и они ушли куда-то за березы, а потом появились из-за них лишь в газовых прозрачных накидках, сквозь которые просвечивали их обнаженные тела, как будто ожившие, очеловеченные в женских образах березы, накинущие на себя нежный вечерний туман, и начали босиком кружиться на траве вокруг скатерти, то привставая на цыпочки, с чуть зазеленными пятками, к которым прилипали травинки, то дружно опускаясь на ступни, отчего только что казавшиеся тоненькими-тоненькими ноги сразу наливались играющими мускулами.

Вскоре Сын Блока и другая манекенщица куда-то тактично исчезли, а мы с Аушрой остались одни. Когда с нами произошло это великое Нечто, неотделимое от шума вершин над нашими слившимися телами, от

Не та, о ком идет речь. Но фотография — тех времен.

«...Вчера разнесся слух, что Евтушенко застрелился. А почему бы и нет? Система, убившая Мандельштама, Гумилева, Короленко, Добычина, Мирского, Цветаеву, Бенедикта Лвшица, замучившая Белинкова, очень легко может довести Евтушенко до самоубийства...»

К.Чуковский,
12 апреля 1969.
Дневник 1930-69.
Книга 1, стр.340-341

«Слух о моем самоубийстве коснулся слуха моего...»

Е.Евтушенко.
Из записной книжки, 1963.

Евгений Евтушенко и Дмитрий Шостакович

самоубийстве

1963 г.

ский конник, затем чекист, сначала многих посадивший сам — в частности, дедушку моей жены Гали; руководителя советской кинематографии Шумяцкого, и потом с десятком лет отсидевший сам в бериевской одиночке, а ныне генерал КГБ в отставке, оргсекретарь Московской писательской организации Виктор Ильин, и секретарь ее парткома Иван Винниченко — всегда с масляной улыбкой улыбающийся — даже в самых неподходящих ситуациях. Они не без удивления смотрели на нас с Женей, на трехлитровую банку томатного сока, переминались.

— Ну что вы сидите в этой кухне, прячась от собственного народа? — укоряюще почесав головой Ильин. — Я сразу, конечно понял, что информация о вашем самоубийстве — очередная западная «утка». При вашем-то завидном жизнелюбии — и он не без некоторой зависти хохотнул — и при вашем «женолюбии...». Но народ дезориентирован. Словом, не отсиживайтесь дома, покажитесь народу, походите в рестораны, постелайте в потолок пробками вашего любимого шампанского, а заодно захватите и вашего друга Эрнста Неизвестного. — Мы вот тут выделили вам кое-какие скромные деньги на ресторанные расходы, — блинно замаслился Винниченко, застенчиво кладя на край стола почтовый конверт.

Когда мы ушли, мы с Женей, покатываясь со смеху, вскрыли конверт, на котором было почему-то совсем не подходящее к апрелю «С Новым Годом». Сумма была действительно скромная — 100 рублей, но при сдержанной закуске на нее тогда можно было немало выпить. Мы с Женей поехали к Эрнсту в мастерскую и начали стрелять «показываться народу», строя пробками шампанского в потолок ресторана ВТО и стараясь сделать это так, чтобы они ricochetом попадали внутрь стеклянной плафона. Через несколько дней в Московской филармонии, где работала моя мама, состоялась общее партсообщение. Выступавший на нем секретарь райкома патетики воскликнул:

— Пусть коммунистка Зинаида Евтушенко объяснит нам, как она смогла допустить такое хулиганское поведение ее сына, когда вместо того, чтобы ответить на товарищескую критику честной работой, он шляется по ресторанам, да еще и с небезызвестным скульптором Неизвестным, стреляя пробками по потолкам. В президиум неожиданно поднялся секретарь МК по идеологии и сумрачно пояснил:

— Для справки. Товарищ Евтушенко посещал рестораны по заданию парткома Московской писательской организации. Раздался громовой хохот. Наши пробки просвечивали в том плафоне долгие годы, до того, как ВТО сгорел, напоминая мне о Жене Урбанском, который впоследствии трагически погиб на съемках в пустыне, когда он отказался от помощи дублера и сам повел «газик» для прыжка через барханы, оказавшегося смертельным; об Эрнсте Неизвестном, в конце концов выплывшем в эмиграцию; о наших общих надеждах, предательски растоптанных историей, а, может быть, история просто-напросто проверяла эти надежды на выживаемость?

Слух о моем самоубийстве держался тогда довольно долго. Однажды утром ко мне зашел благородно седой, хотя и с легкомысленной курчавинкой, спортивный журналист. Он был, как всегда, безукоризненно одет, с белоснежным уголком платочка из нагрудного кармана, а также ярко-желтым кожаным портфелем, не оставлявшим сомнения в несомненности происхождения — даже скрип его кожи был какой-то не наш, и как-то не по-нашему оптимистично посверкивали его золоченые никелированные уголки, и изящные замочки.

Происхождение самого журналиста было еще более загадочным, ибо по почти достоверным слухам он был внебрачным сыном Александра Блока, хотя врубелевское угрюмство его отца совершенно не сочеталось со всегдашним безмятежным сиянием на лице предполагаемого отпрыска.

Сын Блока не занимал никакой крупной должности, да и не блистал статьями, но был во множестве разнообразных комиссий, секций, редколлегий и — что особенно поражало по тем временам — зимой обычно ездил кататься на горных лыжах в Швейцарию.

Он давно относился ко мне с явной симпатией, в которой у меня не было никаких оснований сомневаться, и, кроме того, у нас была общая страсть — коктейли.

В его квартире на Аэропортовской была комнатка-крохотулька с мини-баром, и иногда мы сжижались там, импровизируя, при помощи редких тогда иностранных напитков, шейкера и кубиков льда.

Появившись у меня без звонка, Сын Блока первым делом поставил на стол бутылку «Чинзано» с ярлычком магазина «Березка», а также пачку дефицитных тогда пластмас-

Фото Александра КОРОЛЬКОВА. «ВМ»

5 июня в редакции «ВМ»

совых коктейльных соломинок и выразил, я думаю, совершенно искреннее возмущение той грязью, которой в те дни дружно поливали меня газеты. Затем он предложил познать меня с литовскими манекенщицами — по его словам, моими давними поклонниками, которые хотели бы выразить мне свою солидарность. Ну как я мог быть против женской солидарности со мной — это могло выглядеть даже неучтиво с моей стороны, как говаривала барышня в «Женитьбе Бальзамина».

Погрузившись в декорированный латиноамериканскими ковриками из антилопих шкур новенький, конечно, экспортный «москвич» Сына Блока, мы поехали на Сельхозвыставку, где в павильоне Литвы происходил показ Вильнюсского Дома Моделей. Мне понравились буквально все девушки — длинноногие, большеглазые, вибрирующие, но особенно их старшая манекенщица — не очень высокого роста, с бирюзовыми глазами, с льняными волосами, подвернутыми на концы, как у королевых снов моего детства-американской кинозвезды Дины Дурбин, с неподражаемой танцующей походкой, когда дразняще поигрывали сильные, но одновременно легкие икры с еле заметным золотым пушком, и тонкие нервные щиколотки подрагивали при каждом шаге. У нее была колдовская походка царицы Береники, о которой я где-то вычитал тоже в детстве. Этой походкой можно было поднять даже мертвого.

Когда Сын Блока представил ей

меня, она сразу процитировала на память «Со мною вот что происходит...» с неотразимо очаровательным акцентом, отчего мои стихи мне понравились еще больше, хотя нелюбовью к собственным стихам я никогда не отличался.

Ее звали — ну, скажем, Аушра.

После показа моделей «москвич» Сына Блока, свернув с Рязанского шоссе, въехал по проселочной дороге в совсем другой, зеленый мир леса, где, казалось, не было ни «всевидящего глаза», ни всеслышащих ушей».

Сын Блока хорошо подготовился к этой поездке. В его багажнике стоял переносной холодильник, а в нем располагались несколько бутылок шампанского, пересыпанных льдом, серебряно светящаяся осетрина с золотыми прожилками, цыплята табака с шоколадно запеченной скорочкой. А еще в багажнике были самая настоящая белая скатерть с красными петушками, пластмассовые стаканы и вилки, яркая иностранная банка с соленым миндалем, заодно и два детских отечественных надувных матрасика.

Если приплюсовать сюда двух породистых выхлещенных женщин, одна из которых втягивала мои глаза внутрь своих, настолько ослепительно бирюзовых, что я невольно журмурил, то как можно было думать о такой несвоевременной нелестности, как самоубийство.

А вокруг была белостольная березовая роща, напоминавшая сотни голых женщин на заре христианст-

покачивания ромашек и колокольчиков, от мурашек, щекоцущих кожу, я увидел, что глаза Аушры стали еще глубже и больше от неожиданных слез, причина которых была мне неизвестна. И я нырнул в них, и поплыл в их освещающей, чуть знобкой прохладе, и позабыл все оскорбления, которыми меня осыпали где-то там далеко-далеко, на поверхности земли. На следующий день она улетала в Вильнюс, а я в сибирскую командировку, направляясь на станцию Зима и на Братскую ГЭС. Во время остановки самолета в Свердловске я не удержался и позвонил Аушре. Она была уже дома.

— Хочешь, я поменяю билет и прилечу к тебе? — спросил я.

Она молчала.

— Ты меня любишь? — спросил я.

— Очень, — сказала она, и я услышал в ее голосе сдерживаемые слезы. — Но, может быть, будет лучше, если мы не будем больше видеться...

Я поменял билет и прилетел в Вильнюс.

Не разнимая рук, мы с ней бродили по улочкам ее родного города, об истории которого она мне столько рассказывала, ездили в неповторимый музей Чюрлениса, а вечера проводили в прелестных вильнюсских кафе с моими старыми друзьями: красавцем-художником Стасисом Красаускасом, придумавшим когда-то символ журнала «Юность», с замечательным поэтом Юстином Марцинкявичюсом, с великим фотохудожником Антанасом Суткусом. Мне было необыкновенно хорошо с Аушрой, и если бы я даже действительно думал о самоубийстве, я бы раздумал. Она была первой безукоризненно вежливой женщиной в моей жизни, у которой я никогда не видел истерических переходов от всплесков страсти к скандалам. Она предугадывала мои малейшие желания и в быту, и в любви, и прежде, чем я успевал ее о чем-то попросить, она уже это делала. Она была первой женщиной в моей жизни, которая подавала мне завтрак в постель, и не скрою, я при этом блаженствовал. Может быть, она была единственной в полном смысле европейской женщиной в моей жизни.

Но однажды, когда она ушла на кухню варить мне кофе, мне очень захотелось закурить, и я открыл ее сумочку, где всегда лежали сигареты.

И вдруг я увидел странную телеграмму на ее имя. Вместо букв там были только цифры, цифры, цифры... Внимательно взглядевшись, я увидел карандашную расшифровку по-русски ее красивым почерком

учительницы Чистописания:

«Продолжайте наблюдение за порученным вам объектом. Постарайтесь отвести его от мысли о самоубийстве. Оно может быть использовано нашими идеологическими врагами. Сделайте все, чтобы вдохнуть в него оптимизм». Подпись была краткая: «Центр». Я, наверное, должен обрадоваться тому, что где-то, в некоем Центре есть люди, столь заботящиеся обо мне. Но я был раздавлен тем, что я прочел.

Когда Аушра вошла с подносом, на котором стояла дымящаяся чашка кофе с золотым колесиком лимона, аккуратно поджаренные тосты и домашний малиновый джем, она выронила этот поднос, как может быть, сделала бы русская женщина, она не бросилась на колени, прося у меня прощения.

Она как будто окаменела, превратившись в одну из тех литовских мадонн, которые стоят на перекрестках дорог.

Затем она тихо опустила поднос на тумбочку рядом с кроватью и достала из той же самой сумочки другой листок, исписанный буквами и кое-где цифрами.

— Если ты прочел то, прочти и это.

Это был ответ на телеграмму из «Центра».

«Порученный мне объект во всех встречах с литовской интеллигенцией неоднократно поднимал тосты за российско-литовскую дружбу, и лично за здоровье Никиты Сергеевича Хрущева. Одновременно он резко отзывался о попытках зарубежной прессы использовать слухи о его самоубийстве. Из Вильнюса он вылетает в родную Сибирь, чтобы воспеть трудовые подвиги тружеников Братской ГЭС. Доверенное мне задание по поднятию его духа выполняется успешно». Далее стояла подпись «Колокольчик».

— Почему они дали тебе эту кличку — «колокольчик»? — подавленно спросил я.

Они старались быть изящными, — сказала она. — Они завербовали меня, когда из Канады впервые вернулась туристкой уехавшая на запад в конце войны моя тетя-миллионерша. Они шантажировали меня тем, что ее покойный муж — мой дядя — когда-то, кажется, держал специальный клуб для немецких офицеров. Они сначала вежливо попросили меня, чтобы я сопровождала мою тетю и записывала для них все, что она говорит. Они также интересовались кому она собирается завещать свои деньги. Они потребовали от меня расписки, что я обязуюсь в случае получения наследства отдать государству семьдесят пять процентов. Они нечасто беспокоили меня — разве только просили время от времени сопровождать иностранцев, которыми интересовались, а потом докладывали, о чем те говорят. Но я никому не сделала зла. Только самой себе, когда испугалась и согласилась быть их «колокольчиком». Но когда они пытались пару раз подложить меня под приезжих московских начальников, им это не удалось, и они от меня почти отстали. И вдруг на Сельхозвыставке к нам за кулисы пришел этот милый человек, кото-

рый потом познакомил меня с тобой. Он знал мою кличку и пароль. Он был очень интеллигентен и спросил у меня, читала ли я твои стихи. Я сказала, что да, и многое даже помню наизусть. Тогда он объяснил мне, что тебя сейчас очень критикуют, и ты находишься в состоянии, близком к самоубийству. Он попросил меня помочь тебе. А я видела тебя по телевизору и мне нравились не только твои стихи, но и ты сам. Я согласилась. Вот и суди меня как хочешь.

Как мне было отнестись ко всему этому? Я никогда не пил за российско-литовскую дружбу, потому что и без этих тостов любил моих друзей, а они любили меня. В ту поездку я ни разу не поднял бокала за Хрущева потому что его грубые крики на писателей и художников еще звучали в моих ушах.

Да, она на меня как бы доносила. Но своими доносами она меня выручала. И, несмотря на все это, я понимал, что больше не смогу ее любить. Страшно вдруг узнать, что та же самая рука, которая ласкает тебя ночью, утром пишет шифровки о тебе какому-то «Центру». Она это сама поняла и сказала:

— Теперь ты понимаешь, почему я не хотела, чтобы ты приезжал? На следующее утро я улетел в Сибирь. Лет через десять она пришла на мое выступление в другом городе со своим восьмилетним мальчиком. У него были же бирюзовые глаза.

— Я уехала из Вильнюса сюда, вышла замуж. Это мой сын — моя защита от всего остального мира, смысл моей жизни. Я порвала с теми людьми навсегда. Правда, иногда они еще пристают к новым просьбам. Но мужа сейчас приглашают на работу в Югославию, и надеюсь, туда их руки не дотянутся.

После этого я потерял ее след. Но не так давно я услышал, что через три года после того, как мы в последний раз виделись, она разбилась на машине в горах Югославии. Муж и мальчик выжили. Вот вам одна из человеческих историй внутри истории двадцатого века.

Июнь 1998 года. Переделкино.

Отрывок из книги
Евгения Евтушенко
«Волчий паспорт».
Книга выходит в августе
в издательстве
«Вагриус».